

ЗАЙНУТДИНОВА АЛЬБИНА РАФАИЛЕВНА

ОТРАЖЕНИЕ ГРАФИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА
В ИСТОРИИ РУССКОГО ПИСЬМА
(ОТНОШЕНИЯ Э И О)

10.02.01- русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре истории русского языка и языкознания филологического факультета государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина».

Научный руководитель – доктор филологических наук,
профессор
Марков Виталий Михайлович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
доцент
Баранов Виктор Аркадьевич

кандидат филологических наук,
доцент
Чевела Ольга Всеволодовна

Ведущая организация – Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Казанский государственный педагогический университет»

Защита состоится «__» _____ 2004 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212. 081. 05 по присуждению ученой степени кандидата филологических наук при государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «__» _____ 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к.ф.н., доцент

Т.Ю. Виноградова

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Графические явления становятся объектом исследования многих научных дисциплин: теории и истории письма, графики, палеографии, графемики, грамматологии. В теории и истории письма рассматривается происхождение письменности, развитие различных письменных систем на протяжении многих веков и территорий, грамматология затрагивает философскую сущность письма. Графика как научная дисциплина останавливается на соотношении фонемного и буквенного состава отдельных языков, палеография изучает видоизменение графических знаков в различные временные отрезки, графемика обращает внимание на исследование функциональных свойств графических знаков, историческая орфография рассматривает правила написания отдельных графических знаков и лексем, присущие той или иной исторической эпохе. Одни лингвистические исследования посвящены истории письма в целом (работы Я.Б.Шницера, В.А.Истрина и др.), другие – особенностям графической системы того или иного языка (работы А.И.Анастасиева, И.А.Бодуэна де Куртенэ, Б.И.Осипова, Л.В.Щербы и др.). Языковеды уделяют внимание особенностям графики и орфографии отдельных памятников (работы А.Х.Востокова, М.М.Козловского, Б.М.Ляпунова, В.М.Маркова, П.Я.Черных, А.А.Зализняка, Л.П.Жуковской, В.В.Колесова, М.И.Карнеевой, С.П.Обнорского, А.А.Шахматова и мн. др.), палеографы перечисляют набор графем, свойственный тому или иному отрезку времени (см. палеографические разыскания А.И. Соболевского, И.И. Срезневского, И.А. Шляпкина, Е.Ф. Карского, В.Н. Щепкина и др.). Тем не менее, отдельные графические явления и факты во всей их сложности порой не находят должного освещения.

Явление графического параллелизма представляет чрезвычайный интерес для исследователей русского письма, так как в русских памятниках чаще всего мы встречаем графические средства во множестве вариантов (параллелей). Для древнерусской письменности характерно наличие дублетных оппозиций, когда для обозначения одной фонемы имеется два и более графических средства, различающиеся условиями, позициями употребления на письме. Простое перечисление функций дублетных букв не раскрывает проблемы. Отношения в дублетной паре необходимо рассматривать в соотношении с другими графическими явлениями и с привлечением данных таких языковых уровней, как фонетика, лексика, морфология. В практике древнерусского письма вырабатываются собственные принципы написания дублетных букв, складывается собственная письменная традиция. Процесс этот подвижен, поэтому актуально рассмотрение явления графического параллелизма в динамике, диахронии и сравнении от начала письменности до наших дней в столкновении различных письменных традиций, в борьбе различных тенденций.

Предмет исследования – явление графического параллелизма в истории русской письменности. В настоящей работе предпринята попытка осмысления графического параллелизма как объективного явления русского

письма, при этом основное внимание уделяется дублетной паре *omega/on*, отношения между членами которой представляются наиболее показательными и динамичными. Явление графического параллелизма рассматривается на материале памятников русского письма, различных по жанру, времени и месту написания с целью создания по возможности объективной картины функционирования оппозиционной пары *omega/on*. Для анализа привлекаются:

1) церковнославянские памятники: Новгородский кодекс первой четверти XI в., Остромирово евангелие 1056-1057 гг., Путятин минея XI в., Изборник 1076 г., Минеи 1095-1097 гг., Синайский патерик XI в., Мстиславово евангелие XII в., Выголексинский сборник XII в., Слова Серапиона Владимирского по сборнику XIV в., не в полном объеме – Добролюбо евангелие 1164 г., Житие Стефана Пермского по сборнику житий и слов XV-XVI вв., Житие протопopa Аввакума XVII в., по исследованиям ученых – Архангельское евангелие 1092 г., Ефремовская Кормчая XII в., новгородские евангелия XII - XIII вв., Быбельский Апостол XIV в.;

2) летописи: Синодальный список I Новгородской летописи XII - XIV вв., Лаврентьевская (1377 г.), Ипатьевская (около 1425 г.), Радзивилловская (XV в.) летописи, по исследованиям ученых – Карамзинский список IV Новгородской летописи XV в., Вологодско-Пермская летопись XVI в.;

3) деловые документы: новгородские и двинские грамоты, Русская правда по списку 1280 г., Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV – начала XVI в., Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв., Южные таможенные книги XVII в., Судебник 1497 г., Мерило праведное XIV в., Уложение 1649 г., частные письма из архивов семей Киреевских, Пазухиных, Масловых, Ларионовых (XVII - XVIII вв.), памятники московской деловой письменности XVIII в.;

4) тексты, изданные после реформы письма 1707-1710 гг.: «Феатрон или позор исторический, изъясляющий повсюду историю» (1720 г.), новоцерковнославянские издания.

Некоторые памятники впервые подвергаются анализу со стороны функционирования дублетной пары *omega/on*, другие уже служили объектом исследований ученых, но вопросы графики, как правило, не являлись в этих работах основными. Исследование проводилось по первоисточникам, фотокопиям и научным изданиям памятников, в которых отражены графические особенности текстов. Рассмотрение явления графического параллелизма в разновременных и разножанровых памятниках на протяжении длительного периода развития русской письменности позволяет изучать систему письма в эволюции, выявлять генеральное направление в развитии отношений в оппозиционных парах, в частности, в паре *omega/on* от раннего этапа русской письменности до письменности новоцерковнославянской.

Объект исследования – лексемы и их формы, содержащие дублетные буквы Э и о. Параллели о/⊙ и о/∟ в работе рассматриваются в меньшей степени по сравнению с параллелью Э/о, поскольку в исследовании основное внимание сосредоточено на дублетных буквах, а не на дублетных начертаниях, каковыми являются *о очное* (⊙) и *о широкое* (∟).

Цель исследования – рассмотрение явления графического параллелизма на примере дублетной оппозиции *omegalon* в русских памятниках XI - XVIII вв. в диахроническом аспекте в его тесной взаимосвязи с системой языка в целом, а также экстралингвистическими факторами.

В ходе работы были поставлены **задачи**:

1) рассмотреть явление графического параллелизма в русской письменности, указать причины его возникновения и пути преодоления;

2) на примере дублета *omegalon* показать возможность функционального подхода к графическим единицам в диахроническом аспекте;

3) выявить функции каждой из букв дублетной пары, установить степень влияния собственно графических (позиционных), внутриязыковых и экстралингвистических факторов на их употребление;

4) рассмотреть написание графических дублетов в соотношении с единицами других языковых уровней (фонетикой, лексикой, морфологией);

5) определить генеральное направление в эволюции дублетной пары *omegalon*.

Рассматривая употребление дублетных букв в различные временные отрезки, мы выступаем приверженцами изучения языка и его графической системы в диахроническом аспекте, поэтому в основе настоящего исследования – *исторический метод*. Выстраивая картину употребления *омеги* в конкретном памятнике в определенной позиции на материале данных, полученных с помощью *наблюдения* и *статистического анализа*, мы сравниваем функционирование *омеги* и *он* в этом памятнике с употреблением этой буквы в других памятниках (как аналогичных по жанру, месту и времени написания, так и различных по этим характеристикам) с целью выявления интегральных и дифференциальных жанровых, территориальных и хронологических признаков в плане использования дублетной оппозиции *omegalon*.

Исторический метод позволяет сопоставить языковые особенности разновременных текстов, установить преемственность графических средств и приемов от раннего этапа русского письма к позднему, выявить традиционные и новаторские написания для каждой эпохи, проследить непрерывное развитие графической системы русского письма, подчиняющееся собственным закономерностям.

Структурный метод используется при анализе функций отдельных букв во взаимодействии с языковыми уровнями (фонетика, лексика, морфология).

Элементы *количественного* и *статистического* методов применяются для характеристики частотности употребления графических единиц (по функциям) в том или ином тексте. Сравнение количественных данных в

разновременных памятниках позволяет проследить динамику в отношениях между членами в дублетной оппозиции *omega lon*.

Новизна исследования состоит в рассмотрении явления графического параллелизма в рамках так называемой *функциональной палеографии*, изучающей графические единицы не в плане начертания, а в плане употребления (функционирования) в диахронии. При этом исследователя в большей степени интересует не вопрос, в какой позиции написана та или иная буква, а вопрос, с какой целью она здесь написана, иначе говоря, чем обусловлено здесь ее появление. Традиционным является подход от памятника к перечислению свойственных для него позиций употребления отдельных букв. В настоящей работе доминирующим является подход от функции буквы к её проявлению в конкретных памятниках русского письма. В исследовании впервые представлена история функционирования дублетной пары *omega lon* на протяжении длительного периода развития русского письма, рассмотрен переход от собственно графического (позиционного) к лингвистическому принципу (с дифференциацией в обозначении языковых категорий) написания дублетных букв.

Теоретическая и практическая значимость. В научный обиход вводится предложенный проф. В.М. Марковым термин *функциональная палеография* как раздел палеографии, изучающий функционирование графических единиц (букв) в сложной взаимосвязи с внутриязыковыми и экстралингвистическими факторами. *Функциональная палеография* призвана проследить изменения в употреблении той или иной буквы, установить обусловленность её использования графической системой и строем языка, тем самым, выяснив роль (значение) графемы на протяжении длительной истории развития русской письменности. Материалы и выводы исследования могут быть использованы при дальнейшей разработке проблем, связанных с явлением графического параллелизма, а также в преподавании общих курсов по истории русского языка и письма, палеографии, спецкурсов по истории древнерусской графики и орфографии.

Апробация работы проводилась на следующих конференциях:

1. Итоговая научная конференция преподавателей, сотрудников и аспирантов КГУ, Казань, февраль 2002 г.
2. Итоговая научная конференция преподавателей, сотрудников и аспирантов КГУ, Казань, февраль 2003 г.
3. Международная научная конференция «II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность», Казань, КГУ, 11-13 декабря 2003 г.
4. Итоговая научная конференция преподавателей, сотрудников и аспирантов КГУ, Казань, февраль 2004 г.
5. 5-я Международная конференция молодых ученых и студентов «Актуальные вопросы современной науки», Самара, СамГТУ, 7-9 сентября 2004 г.

Структура и основное содержание диссертации

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и источников с указанием сокращений, принятых в работе, иллюстраций. В первой главе дается теоретическое обоснование *функциональной палеографии*, устанавливается её место в ряду дисциплин, занимающихся изучением графики, также рассматриваются причины возникновения графического параллелизма в русской письменности и пути его преодоления. Вторая глава посвящена *собственно графическому (позиционному) принципу* написания букв *омега* и *он*. Здесь рассматривается написание *омеги* в качестве члена графической диссимилиации, в начале слова и на конце строки. В третьей главе акцент делается на лингвистической обусловленности в распределении функций *омеги* и *он*: рассматривается влияние фонетических, грамматических и лексических факторов на написание букв Э и о. При этом отношения в дублетной паре *омега/он* (для каждой позиции) рассматриваются в хронологической последовательности. Одним из структурирующих компонентов исследования является логика развития письменной традиции: церковно-книжные тексты – летописные своды – деловые памятники – новоцерковнославянское письмо.

Заключение диссертационной работы отражает основные итоги исследования.

Объем основного текста диссертации составляет 169 страниц, общий объем – 177 страниц машинописного текста.

Содержание диссертации. Во **введении** обоснованы актуальность и новизна работы, поставлены цели и задачи, определены предмет и объект исследования. Здесь же отмечается направленность на функциональный подход в изучении графических единиц, когда исследователя в большей степени интересует не вопрос, в какой позиции написана та или иная буква, а вопрос, с какой целью она здесь написана.

В **первой главе** диссертации «*Графический параллелизм как предмет изучения функциональной палеографии*» рассматриваются научные дисциплины, связанные с изучением графической системы языка: теория и история письма, графика, палеография, грамматология; дается общая характеристика явления графического параллелизма.

1. *Функциональная палеография* изучает употребление букв в их развитии, в их отношении с различными пластами письма и языка. Основная задача функциональной палеографии состоит в изучении графической системы со стороны назначения графических единиц в историческом аспекте. Проводя параллель между формальными (начертание) и функциональными (употребление) изменениями в графической системе, отметим, что не только внешний вид букв различается для разных эпох и территорий, но и употребление графических знаков не одинаково на всем протяжении развития письма, и зависит оно в той или иной степени от времени, места написания и жанра памятника. Определив круг функций, характерных в определенную эпоху для каждой из букв алфавита, *функциональная палеография* тем самым могла бы дать некоторые

дополнительные сведения для датировки и, возможно, локализации памятника – в этом состоит её практическое, а не только теоретическое значение.

2. Чрезвычайный интерес для *функциональной палеографии* представляет такое явление русского письма, как *графический параллелизм*, когда один звук (сочетания звуков) имеет (имеют) для своего обозначения не одно, а два (и даже три) графических средства. В этом случае мы имеем дело с дублетными буквами, одна из которых избыточна. Несовершенство русской азбуки с существованием в ней букв-близнецов, букв-двойников обусловлено двумя факторами: «привнесением» из греческого алфавита заведомо «лишних» для русского языка букв (Эб З, 1, =б Ыб Ь) и развитием фонетической системы (история букв *б_ *6 яб_яб Ыб э). Но язык, а значит и графика как его внешнее проявление, не признают дублетности. Выходов из этого положения два: либо постепенное «умирание» одного из компонентов, либо их дифференциация по какому-либо признаку: семантическому, стилистическому, функциональному. В случае с графическими дублетами так называемые «лишние» буквы становятся маркированными графемами: они пишутся при определенных условиях (позиционных, фонетических, грамматических, лексических и др.) Немаркированные графемы пишутся в нейтральных позициях.

3. Среди потенциальных функций дублетных букв можно отметить собственно графические (позиционные): маркирование начала слова и конца строки, избежание столкновения двух одинаковых графических знаков рядом (графическая диссимиляция). В плане языковом графические дублеты могут указать на постановку ударения (маркированная графема пишется под ударением, немаркированная – без ударения), дифференцировать близкие по звучанию фонемы (<о> и <ѡ>) и значения омонимов (*язык, мир*); различать сходные грамматические категории (междометие и предлог *о*, краткое прилагательное и наречие), отмечать определенные аффиксы (приставки Э-, Эб-, Ъ-, суффиксы причастий -*щ-, -ящ-, некоторые глагольные и именные окончания), заимствованную лексику. К экстралингвистическим факторам, влияющим на употребление дублетных букв, относятся экономия писчего материала (написание Ъ вместо оты, 1 вместо и, у вместо оУ), использование графических знаков в символическом значении, социальный статус писца, школа письма, отражение текста протографа в рукописи.

Во **второй** главе диссертации «*Графическая обусловленность написания Э и о в памятниках русского письма*» акцент делается на влиянии собственно графических (позиционных) условий на употребление букв *омега/ он*.

1. Первичной функцией *омеги* (для греческого алфавита) было обозначение фонемы <ѡ> (*о долгое*). В старославянской и древнерусской письменности функция эта исчезает в силу отсутствия соответствующей фонемы. На первый план выходят функции вторичные (необязательные с точки зрения звукового строя языка): маркирование начала слова и конца строки, написание дублетных букв в качестве членов графической диссимиляции.

2. В церковно-книжных текстах (Путьятина минея, Изборник 1076 г., Миней 1095-1097 г., новгородские евангелия XII - XIII вв.) употребление *омеги* в позиции члена графической диссимилиации (при столкновении двух оо) можно назвать самостоятельным, ярко выраженным приемом. Путьятина минея – памятник, для которого графическая диссимилиация является одним из основных графических приемов: здесь Э пишется не только после о [слово Эче (1), Ъ него Эзариса (6), Ясно Э мо*си_ (8), бо Эч8е (9), Ъ геоньскаго ЭгнЯ (11 об.), прапроУдо Эблэчена (14), крэпыко Эбличила _еси (17об.)], но в некоторых случаях и после ю [бж8и ею Эдежде_ (14 об.-15), прапр*дн*ю Эдежу (16), кривию Эчрвьивы (49)].

В более поздних памятниках (летописях и деловых документах) количество случаев графической диссимилиации среди общего числа написаний *омеги* в начале слова напрямую зависит от количества финалей о в тексте памятника, т.е. графическая диссимилиация как самостоятельное явление существует только в древних рукописях.

В переписке XVII - XVIII вв. вновь заметно возвращение к древнейшему принципу написания *омеги* в качестве члена графической диссимилиации, особенно в сочетании слова Эной с предлогами воб поб соб ко: во Эньгхыб по Энойб во Эньг^x (письма В.Б. Голицына 1771 г.), во ЭнУю слободу (сказка С. Карпова 1744 г.), ко ЭномУ моемУ дворУ (сказка В. Рогачева 1747 г.), со Эньг^m (допрос И. Осанова 1738г.) и др.

Появление *омеги* в *род.-вин. п.* адъект. скл. на *-ого* в поздних памятниках, возможно, также в некотором смысле связано с явлением графической диссимилиации, только не контактной, а дистантной (межслоговой). Так, в Судебнике 1497 г. находим: котороЭ жалобника (1), по великогЭ/ кнз8Я (3), с боя^pскогЭ/ суда (4), н1когЭ/ (6 об.), Эба исца тогЭ города (7 об.), доведУт на когЭ татбУ (8), хотя намного чаще в рукописи в данной позиции встречается *-ого*, т.е. обозначенная тенденция не является развитой: оУ которого лихого статка (2), на кого/ взмолвят (2 об.), без боя/рьского сУда (4), с великогог кнз8Я (4, 4 об.), до которого города (5), до бэжицкого верхуб не имати/ ничего (6), пошлю^t которого недэлщика и др.

3. Начальная *омега* на первых этапах русского письма (церковно-книжные тексты), по-видимому, используется при явлении графической диссимилиации (Путьятина минея) и как более красивая графема по сравнению с о в качестве прописной буквы (Остромирово евангелие); затем Э пишется в частотных для церковных текстов словах (Эбразыб Эц8ьб Эныб Эгньб Эвьцаб Эбаче) и в приставках Ъ-б Э-б Эб- (Изборник 1076 г., Музейное евангелие кон. XII - нач. XIII в. и др.), позже начальная Э распространяется всё в большем количестве слов и в конце концов пишется почти везде в начале слова, примером чему служит Выголексинский сборник XII в.

Для ранних летописных (Синодальный список I Новгородской летописи) и деловых текстов (Русская правда по списку 1280 г.) также не характерно широкое использование *омеги* в начале слова, тогда как в более поздних летописях (Лаврентьевской 1377 г., Ипатьевской нач. XV в., Радзивиловской XV в.) Э пишется почти без исключений. В грамотах и других деловых актах XIV - XVIII вв. распространено маркирование начала слова при помощи букв Эб \б б ө. При этом надо учитывать то

обстоятельство, что деловые памятники Руси распадаются на две категории: «омеговые» и «безомеговые».

В позднейший период (после так называемого «второго южнославянского влияния») утверждается правило написания *о широкого* (l) в начале слова, *омеги* (Э) – в приставочных образованиях, *обычного о* (о) – в середине слова.

4. Внешнее оформление памятника, особенно в древний период, а именно, ровные столбцы и ровные строки, были немаловажны для русских книжников в раннюю эпоху развития письменности. Одним из возможных способов выравнивания («удлинения») строки было написание здесь *омеги* как буквы более широкой в дублетной оппозиции *омега/он*.

В одних памятниках Э появляется на конце строки только в начале слова (в таких случаях можно говорить о двойной мотивации написаний): бжи8_ею Э/дежде * (14 об.-15), истов*_* Э/б'лэчеса (16 об.) – Путятиня минея; Э/битэли (26 об.), Э/брэте (13 об.) – Пантелеймоново евангелие; Э/ни же сэдяхУ (15 об.), стоЯ Э/льга лэто (16-16 об.) – Лаврентьевская летопись и др. Для других текстов характерно написание *омеги* на конце строки как в начале слова (слога), так и в середине, после согласных, что свидетельствует о большей самостоятельности данного приема: оты Э/боихы (177.3-4), вэрЭ/вати (100.7-8), ктЭ/ разоУмэ (182об.7) – Изборник 1076 г., вавУлЭ/ньскагаго (3 об.), вызмЭ/жно (52 об.), дЭ/выл_еть (18 об.), дЭ/м* (17 об.) – Типографское евангелие; бЭ/Ярину (2), вэдЭ/мои (2) – Судебник 1497 г., материалы частной переписки.

В **третьей главе** диссертационного исследования «*Лингвистическая обусловленность написания омеги и он в русской письменности*» рассматривается влияние фонетических, грамматических и лексических явлений на написание дублетной пары *омега/он*.

1. Фонетика

В старославянских текстах *омега* и другие греческие буквы, возможно, первоначально должны были обеспечивать «правильное» произношение заимствованных слов; в древнерусских памятниках едва ли можно говорить об отражении при помощи буквы Э особого греческого произношения заимствований, на что указывает постоянное смешение Э и о в данных лексемах.

В некоторых памятниках (Азбуковник XVII в., ГПБ, п. 1145) зафиксировано написание *омеги* и *он* в зависимости от ударения: Э пишется под ударением, о – без ударения: дЭ0мы (75 об.) – вы чюжемы домУ0 (42), топЭ0ры – топорыг0 (167) и т.д.

На территории Руси встречается два типа памятников с противопоставлением Э и о как фонем [o] и [ô]. В великорусских говорах [ô] возникло под восходящей интонацией, что получило отражение в орфографии таких памятников, как Мерило праведное XIV в., Карамзинский список IV Новгородской летописи XV в., Вологодско-Пермская летопись XVI в., Травник XVI - XVII вв.). В украинских говорах [ô] развивается в новых закрытых слогах после падения редуцированных. *Омега* здесь пишется достаточно последовательно перед слогом с утраченным редуцированным (приписки к Октоиху Венской национальной библиотеки кон. XIII - нач. XIV

в., Быбельский Апостол XIV в., Галицко-волинское евангелие середины XIV в.).

Здесь мы говорим о распаде дублетности: две буквы (*омега* и *он*) обозначают две различные фонемы (*о закрытое* и *о исконное* соответственно)

Такое употребление *омеги* (обозначение фонетических единиц языка) говорит о ней как о графеме востребованной и нужной на определенных этапах развития русского языка и письма не только в формальном плане.

Омега для обозначения <ѡ> может явиться только в памятниках, написанных на территории распространения говоров с различением двух фонем «типа о», следовательно, Э на месте «закрытого о» – одна из местных особенностей, которая может выступить вспомогательным средством локализации памятника.

2. Грамматика

а) В церковно-книжных текстах XI – XIII вв. *омега* пишется в словах на -зиб -еи с заимствованной основой, принимающих некоторые окончания твердой разновидности: мосэЭмь (31 об.) – Путятин минея, фарисеЭ/мы (43 об.), андреЭ/вы (60 об.) – Типографское евангелие, алфеЭва (125_г 6), иоУдэЭмы (74_в 24.) – Мстиславо евангелие, архиереЭвы (175), фарисэЭмы (23) – Пантелеймоново евангелие. Распространение этого приема со временем говорит о его актуальности для русской письменности.

В дальнейшем (с XIV в.) *омега* употребляется в окончаниях различных падежей (*род.- вин. ед. -огЭ, род.- вин. мн. -Эвы, дат.ед. -ЭмоУ, дат. мн. -Эмы, тв. ед. -Эмы, местн. адъект. скл. -Эмы*), а также в суффиксе прилагательных -Эвы.

При кодификации церковнославянского языка на первый план выдвигается принцип «графической грамматики», выражающийся в дифференцированном написании омографичных падежных форм. В новоцерковнославянской грамматике *омега* пишется в формах множественного и двойственного числа для отличия их от сходных форм единственного числа.

б) В древнейших текстах, ориентированных на старославянское письмо (Остромирово евангелие, Мстиславо евангелие) заметна попытка дифференцированного употребления *предлога о* и *междометия Э*. Но уже с XI в. для русских памятников характерно постепенное распространение Э как в междометии, так и в предлоге (Путятин минея, Изборник 1076 г., Минеи 1095-1097 гг., новгородские евангелия XII - XIII вв. и далее в летописях и деловых документах).

В эпоху так называемого «второго южнославянского влияния» вновь вводится дифференцированное написание: за предлогом Э (Эб) закрепляется *омега*, за междометием – *широкая омега*, нарисованная особым образом (q).

в) Написание *омеги* на конце некоторых частей речи (*наречий, кратких прилагательных и причастий, служебных слов*) характерно только для поздних памятников русского письма (с XVI в.). При кодификации церковнославянского языка было введено дифференцированное написание наречий (Э) и сходных с ними кратких прилагательных и страдательных причастий (о).

з) Лигатура Ъ – неперенный атрибут б́льшей части памятников русского письма. Первоначально Ъ появляется только в заглавных статьях и только в *предлоге* (Остромирово евангелие), в дальнейшем Ъ постепенно распространяется как в предлоге, так и в приставке.

Количественное соотношение Ъ и оты в тексте отдельной рукописи зависит, как представляется, от времени её написания: чем древнее текст, тем меньшее количество лигатурных написаний в нем встретится. Этот факт может служить дополнительным аргументом в датировке рукописей. При сравнении Путятиной минеи и Минеи 1095 г. было установлено следующее количественное соотношение Ъ и оты в данных рукописях в приставке и в предлоге: оты (143 написания) > Ъ (97 написаний) для Путятиной минеи, Ъ (340) > оты (33) для Минеи 1095 г. Также можно утверждать, что тенденция распространения *омеги* в начале слова более развитой является в Минее 1095г. Эти данные не противоречат древности Путятиной минеи.

Памятники деловой письменности представлены двумя категориями: употребляющими Э («омеговые») и не употребляющими Э («безомеговые»). В «безомеговых» текстах Э не употребляется даже в традиционной лигатуре Ъ.

Лигатура Ъ становится настолько привычной для русского письма, что в азбуках-букварях Ивана Федорова (1578 г.), Федора Бурцова (1634 г.), Кариона Истомина (1694 г.) и грамматиках Мелетия Смотрицкого (1619 г. и 1648 г.) обозначена как самостоятельная буква. Показательным в данном случае является и наличие отдельной литеры не только для буквы Э, но и для лигатуры Ъ в типографских наборах.

3. Лексика

Употребление *омеги* в заимствованиях (прежде всего в греческих именах собственных) в памятниках русского письма с самого начала не отличается упорядоченностью: здесь заметно смещение Э и о, написание этих слов не в соответствии с греческим оригиналом (Путятина минея, Изборник 1076 г., Минеи 1095-1097 гг., Синайский патерик XI в., новгородские евангелия XII - XIII вв. и др.), что говорит о неокончательной осознанности данного приема.

Напротив, постепенное распространение Э в славянских морфемах в словах с заимствованной основой, свидетельствует об актуальности данного приема для русских книжников.

Русские имена собственные никогда не пишутся через *омегу*, всегда только через *он*. Характерно в данном случае дифференцированное написание имени иоаны в Изборнике 1076 г. Имена апостола Иоанна и Иоанна Златоуста передаются через Э, тогда как свое имя писец пишет через о: ъЭ8 златоУстааго слово разоУмьни (85), главъь дѣля иЭана моУчимы _есть вы възкъ (195 об.), но: коньчяшяся книгыѣ сѣя роУкою грѣшнааго иоана (275 об.).

В летописях и деловых документах Руси оформление греческих слов при помощи буквы Э выражено неярко из-за небольшого количества подобной лексики в непереводных рукописях.

В новоцерковнославянской грамматике предписывается написание греческих букв (в том числе и Э) в соответствии с этимологией оригинала.

Для исконной лексики характерно написание *омеги* в словах с начальным [o], различное для разных хронологических отрезков: в древних памятниках Э в начале слова пишется лишь в некоторых словах, в памятниках XIII - XV вв. становится нормой, в поздних текстах (начиная с XVI в.) оформляет слова с приставками Э-б Эб-б Эт-.

В **заключении** диссертации представлены основные выводы исследования.

1. Принципы употребления дублетных букв Э и о в некоторой степени зависят от стиля памятника.

В **церковно-книжных текстах** XI - XIII вв. *омега* как маркированная графема используется в немногих позициях: в качестве члена графической диссимилиации, для обозначения начала слова, предлога и приставки *от*, предлога *о*, заимствованной лексики, на конце строки. Во всех этих позициях в ранних текстах (Путятина минея, Изборник 1076 г., Минея 1095-1097 гг., Синайский патерик XI в., Мстиславо евангелие, новгородские евангелия XII - XIII вв.) написание *омеги* непоследовательно, т.к. собственно русская орфографическая традиция вырабатывается к XIII - XIV вв. В эпоху «второго южнославянского влияния» основным принципом церковнославянской орфографии становится принцип «графической грамматики».

Летописная традиция развивает традицию церковно-книжную, только складывается она несколько позже. В летописях (Лаврентьевской, Ипатьевской, Радзивиловской) просматривается четкая дифференциация Э и о по позиции в слове: Э – в начале слова, о – в середине. Неактуально для летописных сводов написание *омеги* в качестве члена графической диссимилиации, на конце строки (в этих позициях Э встречается только в начале слова). В летописях помимо этого с помощью Э могут быть зафиксированы местные особенности говора с наличием двух фонем: <о> и <ѡ>.

Памятники **делового письма** свободнее относятся к традициям разграничения о и Э: значительная их часть («безомеговые» тексты) вообще не употребляет *омегу* на письме, другая же («омеговые» тексты) не отличается последовательным написанием рассматриваемой буквы. Таким образом, мы всегда имеем дело с двумя разнонаправленными тенденциями в памятниках делового стиля: в «безомеговых» рукописях наблюдается полный отказ от буквы Э как избыточной; в «омеговых» документах, напротив, заметно стремительное увеличение количества случаев её употребления. Помимо написания *омеги* в уже ставших традиционными позициях (начало слова, предлог Э, лигатура Ъ), в деловых документах конца XV - XVII вв. *омега* начинает использоваться для обозначения отдельных падежных форм (часто в новозакрытых слогах).

Материалы **частной переписки** позднего периода (XVI - XVIII вв.) говорят о том, что простым людям порой бывает сложно разобраться во всех нюансах разграничения дублетных букв, в том числе Э и о, поэтому во многих письмах мы не встретим буквы Э. Для тех же писем, где присутствует *омега*, характерно наличие индивидуальной системы или отсутствие какой-

либо системы вообще, вплоть до того, что Э может писаться гораздо чаще о в самых различных позициях.

Уникальны письма, а также сказки, допросы, челобитные XVIII в., написанные в эпоху реформирования русской азбуки. Несмотря на отмену Петром I Э и Ъ, буквы эти еще долгое время продолжают жить в практике русского письма.

2. Картина употребления *омеги* в памятнике может дать некоторые сведения о месте его написания.

а) Разграничение Э и о как букв, обозначающих фонемы «о закрытое» и «о исконное» (Мерило праведное XIV в., Вологодско-Пермская летопись XVI в., Карамзинский список IV Новгородской летописи; Галицко-волынское евангелие XIV в., Быбельский Апостол XIV вв.) указывает на то, что рукопись написана на территории с распространением двух фонем «типа о», причем следует помнить, что в великорусских говорах <ѡ> возникло под восходящей интонацией, а в украинских (южных) – в новозакрытых слогах после падения редуцированных.

б) Московские грамоты XIV - первой трети XV в. по большей части отказываются от *омеги*: здесь эта буква встречается как исключение, тогда как в грамотах, написанных на других территориях, Э закономерна.

3. Во всех «омеговых» памятниках, независимо от стиля, наблюдается увеличение позиций, в которых употребляется эта буква. В более поздних памятниках *омега* встречается намного чаще, чем в ранних. Зная об этом и сравнивая датированный и недатированный памятники одного жанра и одной орфографической традиции, мы, наряду с другими показателями, получаем дополнительно средство в датировке текста. Для памятников раннего древнерусского периода (XI - XIV вв.) особенно заметно постепенное распространение *омеги* в начале слова и лигатуре Ъ, для более поздних текстов характерно увеличение количества написаний Э в обозначении грамматических признаков слова. Картина употребления Э и о в недатированной Пуятыиной минее является дополнительным аргументом, подтверждающим её древность, поскольку здесь *омега* встречается гораздо реже, чем в Минеех 1095-1097 гг..

4. На ранних этапах развития русского письма написание Э в большей степени формально (графическая диссимилиация, начало слова, конец рукописной строки, сокращение начертания оты в лигатуру Ъ), кроме лексического принципа написания Э в заимствованиях, отчасти морфемного в предлоге и префиксе *от*. Со временем русское правописание подсознательно стремится к функциональному принципу разграничения дублетов, который вырабатывается в памятниках XVI - XVII вв. *Омега* постепенно начинает обозначать грамматические признаки слова: эта буква появляется в некоторых падежных окончаниях: *род.-вин. ед.ч. -гЭ, род.-вин. мн.ч. -Эвы, дат. мн.ч. -Эмы, местн. адъект. склон. -Эмы*; на конце *наречий, кратких прилагательных и причастий* на –о.

В новоцерковнославянском письме (с XVI в.) функциональное распределение дублетов доведено до логического завершения (принцип «графической грамматики»), где за *омегой* и *он* закреплены следующие функции: о пишется в середине слова и на конце, \ – в начале слова, Э

используется в предложениях и приставках Э-, Эб-, Ъ, междометии *ó* (омега, написанная особым способом), во флексии *род. ед.ч.* (-гЭ) [ср.: *вин. ед.ч.* (-го)], в формах *дв.* и *мн.ч.*, сходных с *ед.ч.*, в окончании *дат. мн.ч.* (-Эмы) [ср.: *тв. ед.ч.* (-омы)], в *род. мн.ч.* (-Эвы), а также в заимствованиях из греческого языка.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Зайнутдинова А.Р. Несколько замечаний об употреблении буквы «омега» в памятниках русского письма / А.Р. Зайнутдинова // Русская и сопоставительная филология: Взгляд молодых. – Казань: Издательство «ДАС», 2001. – С.148-156

Зайнутдинова А.Р. «Омега» или «от»? / А.Р. Зайнутдинова // Русская и сопоставительная филология: Концептуально-семантический и системно-функциональный аспекты: Материалы итоговой научной конференции. – Казань: Унипресс, 2002. – С. 25-26.

Зайнутдинова А.Р. К истории графических дублетов Э/о / А.Р.Зайнутдинова // Русская и сопоставительная филология: Системно-функциональный аспект. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – С. 57-61.

Зайнутдинова А.Р. Лингвистический принцип написания Э и о / А.Р.Зайнутдинова // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность: Труды и материалы: В 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – Т.2. – С. 67-69.

Зайнутдингова А.Р. Омега на конце строки в памятниках русского письма / А.Р. Зайнутдинова // Актуальные проблемы современной науки. Труды 5-й Международной конференции молодых ученых и студентов. Социальные и гуманитарные науки. Ч. 34. Языкознание. – Самара: Изд-во СамГТУ, 2004. – С. 29-31.